

14 апреля 1982 г.

НАШИ ПУБЛИКАЦИИ

Гарий НЕМЧЕНКО

СТО

ШАГОВ

КИНОПОВЕСТЬ

— Здесь все, что я вам должна. Даже самый средний инженер разберется без моей помощи. А Ступина я у вас забираю. Вы сами любите только конкретный разговор, а потому позвольте и нам с ним поговорить с цифрами в руках.

— Я хочу, чтобы по последним пробам вы еще раз просчитали остаток чугуна,— строго сказал Брагин.

— Именно об этом и будет разговор,— и она взяла Ступина под руку.— До свидания.

— До встречи,— предупредил Брагин.— Учтите, что я сам буду руководить выпуском!

Ступин остановился:

— То же самое сказал мне Перчаткин...

— Но ты-то не мальчик и должен разбираться, чья это функция!

В кабинет заглянула Варвара, увидела рядом стоящих под руку Зою и Ступина, не смогла скрыть усмешки.

— Прошу простить за вторжение. Ваша ученая помощница, Алексей Степаныч, делает успехи—она разыскала вас... Юрий Петрович, позвольте Ступину взять трубку?

Ступин подошел к телефону.

— Только что звонил Семенов, обер-мастер,— сказал огорченно Ступин, положив трубку.—Он приболел. Чем-то отравился, говорит... А без него—никак... Так что выпуск придется отложить.

Брагин смял в руке пачку из-под сигарет и швырнул ее в корзину:

— Скажи ему, чтобы в следующий раз лучше закусывал!

* * *

Вечером по неширокой лестнице нового дома тяжело поднимался Ступин. Ладонью надавил на звонок и не убирал руки до тех пор, пока ему не открыли.

— Ты что, выпил?—спросила жена.

— Это идея!—приподнял он палец. Изображая крайнюю усталость, шагнул в коридор, начал раздеваться.—Иначе я просто не выживу.

— Что случилось?

— В общем, ничего, все то же самое... Сперва один гений к себе вызвал и битый час мозги сушил... А потом второй давал, естественно, еще более ценные указания. Компетенция!.. Функция!.. А все решать будут не они и даже не я, хоть это мой хлеб, как говорится. Решать будет обер-мастер дядя Вася Семенов. А он заболел. У него чутье... как у хорошей гончей.

Зазвонил телефон. Ступины поглядели друг на друга: брать трубку?.. Не брать?..

Он вздыхает, берет трубку:

— Да... да. А чего это тебе не спится?.. Как это—из цеха? Почему?.. А что мы завтра скажем? Еду, конечно. Спасибо.

— Кто это?—спросила жена.

— Ты представляешь?! Пустили слух, что мастер приболел. А последний выпуск—завтра. И он там тихой сапой уже козловую летку пробивает! Ну и дядя Вася!..

— С твоим дядей Васей не соскучишься.

Ступин виновато развел руками.

* * *

Когда он вошел на литейный двор старой домны, из козловой летки хлынул чугун, покатило тугой струей, и все, кто был у печи, стояли, притихнув, смотрели на огненный поток.

— Ты мне, Степаныч, сказал тогда: сверхзадача!—словно оправдываясь, проговорил обер-мастер.—А для меня она—в чем?.. Чтoб каждый из моих ребят своим делом занимался, чтобы никто его не дергал, не отвлекал, никто бы над душой не стоял... Разве это тебе—не сверхзадача?

Ступин рассмеялся.

— Был у нас на заводе один начальник. А сейчас сразу—вон сколько!—продолжал обер-мастер.—И каждый хочет командовать... а кто из них—настоящий?.. Кого слушать-то?.. Потому и позвал я только двоих: тебя да Зою из лаборатории...

Только тут Ступин увидел Зою: она стояла на галерее, и отсюда, издали, особенно хорошо было видно, какая она потерянная и грустная.

Ступин вбежал на галерею, тронул ее за локоть:

— И вас оторвали от домашнего очага?

Она кивнула.

— Как сын?

— Прибаливает...

— А Николай Фадеев?

— Притворяется, что стал образцово-показательный больной. Поддакивает врачам... пьет лекарства. Маму слушает. А сам одним глазком за всеми подглядывает.

— Так это же прекрасно, Зоя!

— Для кого?

— Для всех нас,—убежденно сказал Ступин.—И для него самого тоже.

— Мы стоим тут,—проговорила Зоя, показав подбородком на печь.—А ведь она, по сути дела, сейчас умирает...

Снизу им махал рукой обер-мастер.

Еще адела тоненькая струйка чугуна, а рядом уже подметали двор, уже убрали все, что можно было убрать, и чувствовалось, что литейка пустеет.

Прямо тут, недалеко от остывающей печки, расстелили брезент, стали выкладывать на него принесенные из дому припасы. Переговаривались еле слышно и все же с каким-то особым значением в голосах, как бы торжественно. Садись кружки. Для Зои сложили одна на одну широкополые войлочные шляпы.

Всем понемножку налили, и обер-мастер стащил кепку и поднял стакан:

— Ну... спасибо, что столько лет грела нас. И спасибо всем, кто затухнуть ей ни разу не дал. Тогда, когда захотели, вот тогда и...

— А ведь она как чужая, дядя Вася,—сказал один из горновых,—что в последний раз горит!..

— Спасибо тебе, Зоя Николаевна,—поклонился обер-мастер.

— Ну уж! — улыбнулась та.

— Не скажи, Зоя Николаевна. Уж я-то знаю, как ты тут поработала! Спасибо, Алексей Степаныч, что прийти не отказался,—продолжал обер-мастер.

— Мудрецы! — улыбнулся Ступин.—Спасибо, что позвали.

— Всем спасибо! — закончил свою речь дядя Вася.

— Тебе, дядя Вася, спасибо,—загадели горновые.

Когда все вышли с литейного двора, на улице густо лепил снег.

Зоя тронула Ступина за руку:

— Я вам точно говорю, отец что-то затевает!

(Продолжение. Начало см. в №№ от 10, 11 и 13 апреля с. г.).